

Это не было вспышкой сиюминутного порыва. В глубине души он понимал: это чувство давно уже существовало. Просто раньше оно не проявлялось, задавленное мощной логикой его же самообмана, лишившей его жизненной силы. А поцелуй в ночь на тридцатое стал катализатором, и оно вырвалось из-под прежнего контроля.

Особенно после того, как он ошибочно решил, что Сун Хайлинь покинул волость Циншуй.

Тогда его охватило раздражение, будто чего-то не хватало. Стоило подумать, что больше не будет того, кто подталкивает его к учебе, с кем можно перебрасываться колкостями, как в комедийном диалоге, и он чувствовал, что в будущем жизнь потеряет что-то очень важное.

Сун Хайлинь. Сун Хайлинь, Черныш.

Су Шэнь вздохнул.

Он облизал губы и сказал Сун Хайлиню:

— А если я скажу «нет»?

— У тебя нет права сказать «нет», — ответил Сун Хайлинь.

Су Шэнь уже собрался возмутиться, но Сун Хайлинь продолжил:

— Потому что я даже не спрашиваю твоего мнения. Я просто сообщаю тебе: ты мне нравишься.

— Ну, ты, конечно, бескорыстен, — сказал Су Шэнь.

— Это под твоим влиянием.

— Признаю твоё превосходство.

Ещё мгновение назад он был полон обиды, раздражения и мрачных мыслей, а теперь всё это вдруг исчезло.

Как-то магически. Сун Хайлинь действительно удивительный человек.

Стоит побыть с ним рядом — и кажется, будто кругом одно веселье. Какие бы проблемы ни были, стоит только поговорить с ним, и о них все забываешь.

Человек за всю свою жизнь разве не счастья ищет?

— Давай попробуем, — вдруг сказал Су Шэнь.

— Что? — Сун Хайлинь не понял.

— Я сказал, — Су Шэнь зевнул, — что ты мне тоже нравишься.

— Зачем ты зеваешь? Словно издеваешься надо мной, — выпалил Сун Хайлинь, немного опешив.

— Ты тоже не был слишком серьёзен, — Су Шэнь прочистил горло и передразнил его:

— Укуси меня.

— Ты... Я же только что сказал это серьёзно!

— Не считается. Я ответил на твоё «укуси меня». Если бы я был серьёзен, это было бы несправедливо.

— Тогда ты мне ещё должен, — не унимался Сун Хайлинь.

Су Шэнь выпрямился, положил руку на плечо Сун Хайлиня и сказал:

— Черныш, ты мне нравишься.

Сун Хайлинь на мгновение застыл, а затем покраснел. Хорошо, что было темно.

— Ты покраснел, — сказал Су Шэнь.

— Чёрт! — Сун Хайлинь отпрыгнул назад. — Как ты увидел? Ты что, кот?

— Угадал, — Су Шэнь прищурился и засмеялся.

Он смеялся всё громче, закатился со смеху и покатился по траве.

— Ха-ха, ты покраснел! Покраснел, ха-ха-ха!

Сун Хайлинь покосился на него:

— Надо бы твоим преданным фанатам вроде Гао Сяоди показать, как их уважаемый староста катается по земле.

Су Шэнь ещё немного посмеялся, затем лёг на спину, раскинув руки.

— Ты ревнуешь.

— Нет.

— Конечно, ревнуешь.

— Нет.

— Признай, и я больше не буду объяснять ей задания.

— Тогда не объясняй. Впредь объясняй только мне, — Сун Хайлинь посмотрел на лёд, отражавший лунный свет. — Обещаешь?

— Нет, — сказал Су Шэнь.

Едва это слово сорвалось с его губ, Сун Хайлинь резко опустил руку рядом с его ухом и наклонился над ним.

Дыхание Су Шэня замерло.

Сун Хайлинь смотрел на него, а он за это время медленно моргнул дважды.

Сун Хайлинь приблизился ещё чуть-чуть.

Су Шэнь украдкой поджал губы, сдерживая улыбку.

И вдруг...

— Бах!

Оглушительный звук раздался у самого уха. Первой мыслью Су Шэня было: «Неужели мы наступили на мину, оставшуюся со времён войны? Какое невезение».

Услышав звук, Сун Хайлинь инстинктивно отпустил его и бросился вперёд, прикрывая голову Су Шэня своими руками.

Ухо Су Шэня прижалось к его груди, и он слышал, как сердце Сун Хайлиня начало биться всё быстрее.

После первого взрыва, спустя некоторое время, раздался второй.

Сун Хайлинь опомнился, поднял голову и посмотрел.

Затем отпустил Су Шэня, перевернулся на спину и лёжа на земле тихо засмеялся.

Смех сквозь раздражение.

Это был тот самый фейерверк, который никак не хотел срабатывать.

Проклятие длится тысячу лет.

Ещё один выстрел раздался вдали.

Су Шэнь тоже всё понял и засмеялся, смеялся так громко, как только мог. С Сун Хайлинем никогда не бывает скучно, потому что с ним всегда что-то случается, и из всего можно извлечь забавное.

— Полночь, открытие сезона, — сквозь смех, запинаясь, проговорил Су Шэнь.

Что за день! Этот день рождения оказался полон неожиданных поворотов.

— Смейся, смейся, потом ещё икать будешь.

— Буду, и буду, мне всё равно, — Су Шэнь покатился по земле, затем сел и продолжил смеяться.

Фейерверк, наконец оживший, продолжал громко взрываться.

— Ты сколько штук купил? Он ещё не закончился? — Су Шэнь прикрыл уши.

— Двадцать один выстрел, высший стандарт, — сказал Сун Хайлинь. — Я устроил тебе день рождения как для лидера.

— Ты хотел устроить мне день рождения как для глухого, — Су Шэнь всё ещё прикрывал уши.

— Скоро из деревни выйдут с лопатами, чтобы поколотить меня, — Сун Хайлинь хихикнул, его голос наполовину заглушался взрывами.

— Тогда я убегу.

— Совести у тебя нет! Я же это для твоего дня рождения делал!

— Нет.

— Ещё раз спрашиваю, есть у тебя совесть? — Фейерверк, словно поддерживая Сун Хайлиня, громко взорвался следом за его словами.

— Есть, — быстро ответил Су Шэнь.

Он раскинул руки и сказал:

— Тогда я встану перед тобой и закричу: «Этот человек — цветок нашей родины! Вы не можете срывать его листья! Я его парень, бейте лучше меня!»

Когда он произнёс это, последний выстрел фейерверка стих, и внезапно наступила тишина.

Слова «я его парень» без единого лишнего звука ворвались в уши Сун Хайлиня, и он на

мгновение остолбенел.

Су Шэнь всё ещё стоял с раскинутыми руками.

Сун Хайлинь тоже раскинул руки, подошёл и обнял его.

— С днём рождения.

Он легонько поцеловал Су Шэня в лоб.

Руки Су Шэня на мгновение замерли в воздухе, затем он обнял Сун Хайлиня в ответ.

Он мягко похлопал его по спине и сказал:

— Спасибо.

[Авторское примечание: Угадайте, закончу ли я неожиданно? / Заткнись. Нет! Честно говоря, на этот раз темп замедлился, и это ещё не половина.]

Рассвет наступил рано, но Сун Хайлинь не хотел вставать. В полусне он услышал, как бабушка позвала его во дворе. Он перевернулся, укрывшись с головой одеялом и продолжил спать.

Ему снился сон.

Сон о самоубийственном фейерверке, воскресшем фейерверке и, конечно, о Су Шэне, который обнял его и сказал, что он ему нравится. Это могло быть только во сне.

Он жаждал, чтобы этот сон длился дольше.

Неизвестно, сколько времени прошло, но бабушка снова позвала его. Он сделал вид, что не слышит. Однако после её крика следующие слова всё же донеслись до него, и она громко говорила с кем-то:

— Вчерашний шум, я подумала, что японцы в деревню зашли!

— Чушь! Японцы — это дела прошлой жизни, — крикнул в ответ дедушка.

Сун Хайлинь вздрогнул и сел на кровати.

Японцы в деревню зашли!

Ой, нет, не зашли. Вчера действительно был взрыв? Это не сон?

Он потер лицо, и только когда холодный воздух коснулся его рук, он окончательно очнулся. Его чувства были сложными. Радость смешивалась с неловкостью, а в голове роились вопросы. Он испытывал лёгкий страх, но в то же время был счастлив до глубины души. Конечно, это счастье было самым сильным, оно занимало главное, основное, ключевое, первостепенное место, и его было не так просто поколебать.

— Наверное, это был фейерверк, который кто-то забыл, и он вчера вечером очнулся.

Пока он размышлял, снаружи донесся звонкий, ясный голос, который странным образом не казался неуместным в это холодное зимнее утро, когда всё вокруг было укутано осколками льда. Этот холодный, горьковатый голос был удивительно тёплым и даже слащавым.

Су Шэнь!

Сун Хайлинь схватил рубашку и начал надевать её.

Подумав, он снова снял её, прыгнул с кровати и начал рыться в шкафу в поисках белого свитера. Надев его, он почувствовал, что выглядит слишком объёмно, и снял его, взял вязаный джемпер, посмотрел на узор спереди — он выглядел глупо — и, даже не надевая, бросил его обратно в шкаф. Затем он нашёл серый свитер с высоким воротником, примерил его и уже собирался положить обратно, чтобы поискать что-то другое, как бабушка снова позвала его снаружи.

<http://bllate.org/book/15285/1350546>